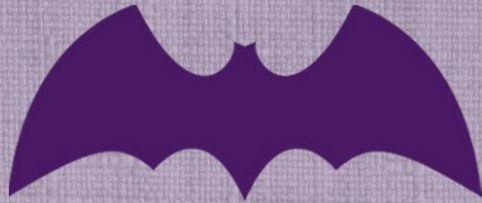

СЕРГЕЙ
САМАРОВ

СПЕЦНАЗ ГРУ

Высокоточная

смерть

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Высокоточная смерть

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Самаров С. В.

Высокоточная смерть / С. В. Самаров — «Эксмо»,
2019 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-04-106622-2

Подполковник спецназа ГРУ Виктор Кукушкин разрабатывает план ликвидации уголовного авторитета по кличке Боб. В ответ бандит нанимает опытного киллера, которым оказывается старый знакомый Кукушкина, тоже когда-то служивший в спецназе. Узнав о том, что ему противостоит очень серьезный противник, Кукушкин приобретает лучшую в мире винтовку и приглашает в свою группу известного еще со времен Первой чеченской войны легендарного снайпера Якута, за голову которого боевики когда-то давали огромные деньги. Что ж, силы собраны. Поединок обещает быть беспощадным...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-106622-2

© Самаров С. В., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	12
Глава вторая	17
Глава третья	22
Глава четвертая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Васильевич Самаров

Высокоточная смерть

© Самаров С. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Занятия в этот раз проходили без огонька в глазах тех, кого мне предстояло подготовить. Все спецназовцы находились под впечатлением трагической гибели товарищей. С ними они делили одну комнату для переодевания, они, бывало, сменяли их на службе, а, бывало, эти парни сменяли их самих, в зависимости от графика работы. Даже обычно улыбчивый майор Конопольский смотрелся удрученным. Именно его группу сменила группа погибших, и, случись все на несколько часов раньше, под выстрел из огнемёта попал бы сам Конопольский со своими людьми. Видя такое настроение в коллективе, я не пытался его исправить. Скорбь – она и в Африке скорбь. И всегда делает людей чище и лучше. Умение сочувствовать чужой беде – великое и во многом правящее характер людей дело!

Тем не менее сокращать программу занятий я не собирался. Так в армии было всегда – никакие скорби не должны нарушать общих планов, даже в малом. Настроение у человека может быть любым, и жизненные обстоятельства могут оказаться разными, но работа всегда остается работой, и ее следует выполнять, вне зависимости от внешних обстоятельств. Тем более такую работу, как у нас в спецназе военной разведки. Если боец спецназа, скажем, перед службой поругается с женой, что с любым может произойти, это ни в коей мере не должно сказаться на его боевых способностях. С этого я и начал. Объяснил бойцам ФСБ ситуацию, как понимал ее сам, как объяснял когда-то солдатам, и потребовал предельной концентрации на занятиях, чтобы с ними не произошло того, что произошло с погибшей группой.

– Мне многократно доводилось хоронить погибших товарищей. И даже близких друзей. Но они все отвечали сами за себя. За себя и за своих бойцов. И дело не в том, что рещался вопрос – отступить или не отступить. Вопрос вообще ставился иначе – победить или оказаться побежденным! Нужно всегда быть готовым к любому повороту событий, предвидеть то, что может произойти.

– Будь готов или не будь готов, отвечай за себя или не отвечай... А как там вообще можно было избежать выстрела из огнемёта? – с некоторым вызовом в голосе спросил майор Конопольский. – Люди сидели в микроавтобусе. Они не имели возможности даже дать предупредительную очередь. Они вообще не видели и не предполагали, что в кустах засел огнемётчик!

– Возможных действий множество. Я не буду все перечислять. Но, зная, что объект предельно опасный и отчаянный человек, к тому же отлично вооруженный, следовало искать другие варианты подъезда, возможно, через соседние дворы. Эффект неожиданности всегда играет вам на руку и ставит противника в тупик. Можно было группу высадить заранее, еще на подъезде к дому, и пройти через те самые кусты, где сидел огнемётчик. Хотя никому не дано знать, где предстоит упасть. Вероятно, огнемётчик все же выстрелил бы, если бы не надумал раньше убежать, но тогда, при осуществлении выстрела, жертв было бы несравнимо меньше. Два, три, даже пять человек погибло бы, а остальные вышли бы победителями. И сам бы огнемётчик наверняка не ушел бы от возмездия. Он, думаю, в любом случае не ушел. На нас в деревне сегодня напала группа из десяти человек, среди них были парень с огнемётом и гранатомётчик. Люди подполковника Балакирева сразу их подстрелили, не позволив сделать ни одного выстрела. Правда, когда я на машине преследовал пытавшегося уехать бандита, другой бандит, раненый, попробовал выстрелить из гранатомёта в мою машину, но только по заднему стеклу гранатой чиркнул – боковое касание, как известно, к взрыву редко приводит. След на стекле тем не менее до сих пор остался. А его самого тут же настигла очередь в голову. При этом я не думаю, что у Бобина в банде имеется несколько огнемётчиков – это достаточно редкая воинская профессия. И потому предполагаю, что в микроавтобус с группой захвата стрелял именно этот парень. По времени получается. Он вполне успел бы с группой доехать до деревни.

– Сколько вы там человек положили? – спросил Конопольский.

– Не человек, а бандитов, – поправил я майора. – Было две атаки. Сначала мы уложили пятерых, а потом, уже из второй волны, сразу десятерых.

– Потери у Боба большие... – задумчиво произнес кто-то в строю. – Даже больше, чем у нас... Но у нас пополнение предвидится, а у него с этим – сложнее.

– А у нас нынешней ночью потерь не было вообще, – резюмировал я. – Но раз на раз не приходится, все зависит от интенсивности боевых действий. И любые сравнения в данном случае неуместны. Ладно, говорить мы будем после занятий, если силы останутся, но я постараюсь сделать так, чтобы их оставалось у вас как можно меньше. Еще что хочу отметить... Вчера я проводил занятия с группой оперативного состава. Там офицеры возрастом, в большинстве, старше вас, как и званиями. Но они выглядят более подтянутыми, более спортивными. А почему? А потому, что возраст заставляет больше следить за собой. Тем не менее на спортсменов, даже бывших, они тоже не похожи. Опять вопрос. Почему? А потому, что они в вашем возрасте считали, что у них все еще впереди, успеют стать и подтянутыми, и сильными. Я к чему веду разговор? К тому, что сейчас вам всем без исключения уже пора начинать за собой следить. Потом может оказаться поздно. И я беру на себя дополнительную задачу – привести вас всех в божеский вид. А это значит, что сейчас сразу начинаем с интенсивной разминки. Бегом, повторять за мной все, что я делаю...

В этот раз я уже на разминке прилично «загонял» группу. Это несмотря на то, что дал им только три четверти той нагрузки, которая обычно дается солдатам спецназа ГРУ. Особенно все сразу невзлюбили ходьбу «гусиным шагом». Ее, признаться, и солдаты спецназа тоже не любят. Внешне это малоэффективное упражнение, но оно дает такую громадную нагрузку на ноги и на легкие, что может заменять всю разминку в целом. Но я заставлял своих подопечных еще и выполнять большой объем упражнений на растяжку мышц и сухожилий, а потом и на взрывную работу мышц, то есть заставлял их отжиматься от пола резким рывком, проводя хлопок в ладоши. После такой интенсивной разминки работа на боксерских «грушах» была для них в радость. Все выполняли упражнения со старанием, хотя мышцы после разминки, естественно, «подсели», «забились», обрели естественную «ватность», и мне часто приходилось повторять одно и то же:

– Расслабиться! Всем расслабиться! Удар должен наноситься расслабленной рукой, только тогда он будет быстрым и нацеленным. Кулак сжимается только в самый последний момент, при соприкосновении с противником.

Но при этом большинство спецназовцев, концентрируясь на расслаблении тела, забывали о координации. Мне оставалось только ходить между бойцами, поочередно подправляя их, поскольку почти каждый, кроме отдельных парней, ранее занимавшихся боксом, наносил удары неправильно. Да и бывшие боксеры, признаться, часто плохо совмещали работу рук и ног. Но это нарабатывается со временем. Они просто не были в руках хорошего тренера. И мне приходилось дополнительно объяснять, что главное в ударной технике – это работа рук, совмещенная с работой корпусом и с работой ног.

– При ударе кулак и локтевой сустав должны составлять одну плоскость. Это правило касается как прямых ударов, так и боковых. Для того чтобы это основательно отработать, я рекомендую вам найти у себя дома дверной проем, повесить туда петлю из толстого и не слишком гибкого электрического провода, который можно купить в любом хозяйственном магазине, и наносить удар через эту петлю. Диаметр петли должен быть около тридцати сантиметров, плюс-минус пять сантиметров. Сначала учитеесь бить через петлю прямые удары, потом боковые. Отдельные специфические удары, такие как апперкот или оверхед, бьются по другой технике. Об этом будем говорить позже и отрабатывать их особо. А пока переходим к выполнению «боя с тенью». Еще раз для всех повторю, что в этом упражнении очень важно вживую представлять себе противника и все его действия. Не просто бесцельно машите руками, а проявите воображение, представьте перед собой, скажем, агрессивную тещу со скалкой в руках.

Лучше сразу понимать, что я не боксу вас обучаю, а рукопашному бою, причем не спортивному, а боевому, поэтому представляйте, например, как противник наносит вам удар ногой в пах. Любимая теща вас попытается пнуть до того, как огреет боевой скалкой... В боевой же обстановке это весьма эффективный удар, и применяется он чаще, чем думается. Приступили... – хлопнул я в ладоши, давая команду...

Завершив занятия, продолжать начатый в начале тренировки разговор я не стал и вернулся к себе в «тренерскую». С некоторым недоумением и даже с чувством, отдаленно схожим с любопытством, вытащил из кармана куртки конверт и записку, которые зачем-то скомкал в тугой бумажный шарик. Сделал это машинально, не задумываясь, наверное, так психанул после прочтения. А сейчас расправил этот лист на коленке и перечитал снова:

«Я пришел за тобой, Виктор Вячеславович.

Будь готов. Потребую расчета.

Николай Николаевич».

Вообще-то я всегда считал себя человеком, склонным к анализу. Но какой анализ можно было сделать из этой записки? Единственное, что мне не стоит ждать выстрела снайпера с чердака или из окна какого-нибудь подготовленного для сноса старого дома. Подполковник Николаев обязательно пожелает со мной встретиться и поговорить. Он слышет киллером высокой квалификации. Но, чтобы заслужить эту квалификацию, требуется обучиться выполнению заказа на короткой дистанции. Чем короче дистанция выполнения заказа, тем, как принято считать, выше квалификация киллера. Говоря честно, больше всего я опасаясь, что он пожелает встретиться и с Тамарой. С ней поговорить не получится – кто-то из них обязательно убьет другого. Моя же первоочередная задача – не допустить этой встречи. Но как это сделать? Не могу же я постоянно дежурить в больнице. А караул у дверей – это для Николая Николаевича не помеха. Он сумеет или усыпить караул вместе со всем отделением, или вообще уничтожить. И даже не постесняется сделать это одновременно с уничтожением всех больных – например, подсыплет яд в пищу в кухонном блоке. При этом, если со стороны киллера-профи мне не следует ждать выстрела из снайперской винтовки, то со стороны Боба такой выстрел возможен, и следует соблюдать аккуратность во всех своих передвижениях. Боб будет действовать своими методами, не полагаясь на одного Николаева. Кроме того, такие спецы, как Николаев, стоят достаточно дорого, и Боб постарается сэкономить свои деньги. Если он сумеет ликвидировать меня сам, то не будет платить Николаеву.

Я заново сложил лист бумаги, уже не комкая его, потом разгладил на том же колене конверт и вложил лист в него. Затем спокойно переоделся и вышел к стойке дежурного. Я хотел договориться с часовым на входе, что пожелаю посмотреть свою машину, и из машины думал позвонить полковнику Самохину, который тоже должен был хорошо помнить подполковника Николаева. Ведь Николай Николаевич был когда-то прямым подчиненным Валентина Юрьевича. Кстати, и Вячеслав Петрович Никифоров должен хорошо помнить Николаева, он ведь разрабатывал для него планы многих операций. Но с Никифоровым я успею поговорить позже, когда вернусь в деревню, а пока мне предстояло связаться с полковником Самохиным. Но я не успел дойти до часового, когда меня окликнул, выйдя из-за своей стойки, дежурный майор:

– Подполковник Кукушкин!

Я вынужденно остановился и обернулся.

– Там, на парковке – красная «Камаро». Это же ваша машина?

– Моя. А в чем дело?

Дежурный подошел ближе, чтобы не кричать на весь вестибюль.

– У нас на здании три видеокамеры установлены, они стоянку полностью контролируют. Около вашей машины какой-то тип сегодня вертелся. Я послал своего помощника, он мужчину

шуганул. Хотите посмотреть видеозапись? Может, просто какой-то знакомый машину увидел и вас искал...

– Если можно – с удовольствием посмотрю, – кивнул я.

Дежурный провел меня в отдельный кабинет, соседний со своим, где вся стена была в мониторах, на которых видно было и парковку для автомобилей, и здание с прилегающими окрестностями, и даже все коридоры управления, а также отдельные кабинеты. Перед мониторами сидел только старший прапорщик и так аппетитно позевывал, что и мне после бессонной ночи резко захотелось вздремнуть, хотя я успел немного поспать в перерыве между «знакомством» с двумя бандами.

– Николай, – требовательно произнес дежурный, – покажи товарищу подполковнику видеозапись.

«И здесь – Николай...» – ворчливо подумал я и сам себя поймал на том, что ворчу как старик, хотя стариком себя чувствовать никак не желал.

Старший прапорщик пододвинул стул ближе к себе и кивнул мне:

– Присаживайтесь. Я мигом...

На столе перед ним стоял ноутбук, включенный на какой-то программе. Николай программу выключать не стал, просто «опустил» изображение на панель задач и включил для просмотра видеозапись.

Человек, что крутился около моей машины и старательно заглядывал внутрь, даже руку к стеклу прикладывал, чтобы свет не отражался в нем и не мешал смотреть, моих ожиданий не оправдал. Это был явно не Николай Николаевич Николаев, подполковник спецназа ГРУ в отставке. Этот был, по крайней мере, на полголовы ниже. К тому же Николаев более сухощав, длиннорук, как обезьяна, и его несколько несуразную фигуру не узнать было бы сложно.

– И что он там высматривал? – с задумчивым видом проговорил старший прапорщик.

– А вы бы его самого спросили, – посоветовал я.

В один из моментов человек так наклонился, что имел полную возможность что-то подсмотреть под машину. А перед этим, как мне показалось, он засунул руку себе в карман, и мне этот момент активно не понравился.

– У вас есть зеркало для поиска взрывных устройств или просто для осмотра нижнего уровня автомобиля? – спросил я дежурного майора, так и оставшегося стоять в дверном проеме.

– Есть и зеркало, есть и собака-поисковик. Специально на взрывные устройства натаскана. За несколько метров чует...

– Давайте машину проверим... – попросил я, предоставляя дежурному самому решить, какой способ поиска лучше использовать в данном случае.

– Нужна санкция руководства, – сухо ответил тот, похоже, ему не хотелось никакого лишнего беспокойства.

Я вытащил из чехла трубку и позвонил полковнику Альтшулеру. Кратко обрисовал ему ситуацию, объяснил, что дежурный требует санкцию руководства.

– Передай ему трубку, – потребовал Альтшулер.

Я протянул трубку дежурному майору.

– Кто? – коротко спросил он.

– Полковник Альтшулер.

Майор трубку буквально выхватил из моих рук. Видимо, полковник слыл крутым командиром, которого следует опасаться. Выслушав, что сказал ему полковник, он только несколько раз повторил слово «Есть!» После чего вернул трубку мне, а сам вернулся к своему аппарату за стойкой и стал вызывать специалистов.

Специалисты прибыли меньше чем через минуту. Первым прибежал, а не пришел, потому что его тащила собака, кинолог. Я почему-то ожидал увидеть немецкую овчарку, но это была обыкновенная дворняжка, белая, с рыжими и темно-серыми пятнами.

– Ведите... – предложил мне майор.

Я повел кинолога к машине, заметив при выходе, что за нами, повинувшись властному указующему жесту дежурного, поспешил человек с длинным зеркалом на еще более длинной ручке. С такими зеркалами, как я знал, проверяют поддон автомобилей, ищут закрепленные на них предметы. Обычно это бывают взрывные устройства. Точно такими же или просто похожими зеркалами пользуются таможенники при осмотре машин, пересекающих границу. Ищут контрабанду.

Оба специалиста ФСБ были в гражданской одежде, и потому я не мог определить их званий. Это плохо, так как я привык различать людей по званиям больше, чем по внешнему виду. Но пришлось удовлетвориться малым – по возрасту оба были еще молодыми парнями, тянущими как максимум на старших лейтенантов, хотя, скорее всего, были просто прапорщиками или старшими прапорщиками.

– Вот машина, – показал я кинологу.

Они с собакой дважды обошли вокруг машины, но ничего найти не смогли. Собака смотрела почти виновато, но голос не подавала. Глаза у нее были большие и сильно выпученные, но внимательные и добрые. Она словно чувствовала свою вину за то, что ничего не нашла.

Вот кинолог себя виноватым не чувствовал.

– Ничего похожего здесь нет, товарищ подполковник, – категорично заявил он.

– Тем не менее проверка требовалась, – ответил я. – А отрицательный результат – это тоже результат и в моей ситуации, возможно, самый лучший.

Кинолог на это только пожал плечами и отошел вместе с собакой в сторону, чтобы освободить место коллеге с длинным зеркалом на ручке.

– С другой стороны машины... – попросил я.

– Что? – не понял специалист.

– Подозрительный человек стоял с другой стороны машины. Именно там он наклонился.

Специалист послушно перешел на другую сторону. Или он был от природы таким покладистым, или просто хотел осмотреть одну сторону и уйти. Но уже через несколько секунд отступил на полшага назад, посмотрел на кинолога с собакой и пробормотал:

– А это там что такое?

Должно быть, этот специалист любил сам с собой разговаривать. Я обошел машину и увидел, как он, встав на колени, вытаскивает что-то из-под машины. В руках у него оказался сравнительно небольшой полиэтиленовый пакет с каким-то белым порошком внутри и с куском мощного неодиевого магнита среди порошка.

– Надо же, какой магнит сильный, еле оторвал, крепко, зараза, держался...

– Для того сильный магнит и используется, чтобы на наших дорогах ничего не отвалилось, – сделал кинолог философский вывод. – А что это?

– Что это? – спросил и я.

– Порошок... – ответил специалист. А мы, такие тупые, оказывается, догадаться не сумели.

Кинолог взял мешочек из его рук, развязал и, пощупав палец, ткнул его в порошок, после чего снова засунул палец в рот и со знанием дела сообщил:

– Кокаин.

– А ты что, на вкус его отличаешь от другой «дури», – недоверчиво поинтересовался специалист.

– Я же раньше, когда у меня другая собака была, на наркоте специализировался. Вернее, не я сам, а собака. Доводилось пробовать и на вкус.

Я осмотрелся. Основное внимание уделил противоположной стороне улицы и окнам противоположащих домов, в основном верхних этажей, откуда удобнее вести обзор. В одном из окон третьего этажа трехэтажного старого дома увидел, как кто-то в оконном проеме торопливо метнулся в сторону, и, тут же дав команду: «За мной!» – побежал прямо через газон, слыша за собой тяжелые и неуклюжие шаги двух сотрудников ФСБ.

У дороги пришлось пропустить перед собой машину, которой было уже поздно тормозить на скорости, но водители идущих следом машин затормозили, издали увидев бегущих людей, тем более что я на ходу вытащил пистолет. Мы свернули за угол дома во двор, я легко открыл дверь подъезда, не снабженную кодовым замком, и тут же услышал наверху скрип петель. В квартирной двери петли так не скрипели бы, их наверняка смазали бы жильцы, не желая сойти раньше времени с ума. Я поскакал по ступенькам вверх и, увидев на площадке третьего этажа приоткрытую дверь нужной квартиры, показал рукой сотруднику с зеркалом, который только-только добежал до последнего пролета лестницы:

– Проверь квартиру!

– У меня оружия нет... – на бегу ответил сотрудник.

– У меня есть... – показал сотрудник с собачкой, догоняя первого и громко переводя дыхание.

– Вдвоем проверьте! Если кто есть – вызывайте «Скорую»... И полицию...

Я дал указания, не став терять время на объяснение, что в квартире могла оставаться только жертва, скорее всего, старик, или старуха, или же кто-то попросту пьяный, против которого оружие применять не следует, а сам метнулся к металлической лестнице на чердак, к люку, зиявшему открытым выходом наверх. Взлетев по ней, сразу увидел перед собой открытое «слуховое» окно¹, но с разбегу выбираться на крышу не стал, а сначала осмотрел чердак. И оказался прав в своих действиях. «Слуховое» окно было открыто специально для того, чтобы я выскочил наверх и бросился в сторону обязательной в таких домах пожарной лестницы, перила которой должны были бы быть видны с крыши. Значит, человек, которого я преследовал, все предварительно обследовал и даже просчитал варианты. Но я успел услышать, как опустился слегка приоткрытый для наблюдения люк выхода в другой подъезд, и стремительно бросился туда. Преследуемого подвело желание закрыть люк на замок. Если бы он успел это сделать, я имел бы полную возможность его потерять. Но этого не произошло, и я, рванув за ручку, увидел прямо под собой лысый затылок, слегка обрамленный по краям волосами, и со вкусом ударил ногой, стараясь попасть в темя именно каблуком, как самой жесткой и тяжелой частью обуви. Человек свалился на лестничную площадку. Увидев, что мой противник поднимается и готов бежать дальше, я без проблем спрыгнул ему за спину, сделав удушающий захват «гильотиной»², и повалил его, при этом основательно и безжалостно придушив...

Задержанный не сопротивлялся, почувствовав, что сила рук у меня еще достаточная, чтобы завершить его удушение полной потерей сознания, которую каждый, попав в такую ситуацию, считает приближающейся смертью, хотя сама асфиксия вовсе не означает смерть и в начальной своей стадии является только придушением, а не задушением...

---

¹ Слуховое окно – окно в кровле здания для освещения и проветривания чердачных помещений. Существуют еще и мансардные слуховые окна. (Здесь и далее прим. автора.)

² Захват «гильотиной» – прием из рукопашного боя, при котором предплечье давит на горло и не позволяет противнику дышать.

Глава первая

Допрос проводил в моем присутствии сам полковник Альтшулер, предложивший, ввиду срочности вопроса, обойтись без услуг дознавателя. Признаться, я вообще никогда не понимал, для чего нужен дознаватель. Но это мое армейское мнение, нас же обучали вести допросы в глубоком тылу противника, чтобы срочно добыть сведения оперативного характера, а таскать с собой дознавателя было сложно.

– Значит, ты утверждаешь, что ты просто слесарь из ЖЭКа и ни от кого не убежал? – спросил полковник у задержанного.

Тот говорил, что его вызвали жильцы – он не знает точно, кто именно, – с просьбой закрыть чердачные люки, а то мальчишки по чердаку бегают, и звук их шагов слышат жители третьего этажа. Они опасаются, что мальчишки устроят пожар. А дом старый, перекрытия деревянные, все сгорит мигом, никто и выскочить не успеет.

– Да, так все и было. Я только чердак посмотрел, проверил, нет ли там кого, хотел закрыть, а тут этот налетел и давай меня бить, – последовал кивок в мою сторону. – Так и убить человека недолго.

– Мы звонили к вам в ДЭЗ, там подтвердили, что вы у них уже две недели как работаете. Хотя ни о каком вызове по поводу закрытия чердака понятия не имеют. Кроме того, у вас нет ключей от всех замков, хотя имеется при себе набор отмычек.

– Я же слесарь, – самодовольно заявил задержанный. – Я обязан уметь отмычками пользоваться. Часто бывает, что или от чердака, или от подвала, или даже от бойлерной нет ключа, и я в таких случаях всегда обхожусь отмычками. Да и жильцы, как говорил мой предшественник, часто ключи теряют и просят помочь. Легче отмычками открыть, чем всю дверь разворотить, а потом ее менять. Это для самих жильцов накладно, особенно для пенсионеров.

– Хорошо. А чем вас так заинтересовала машина на стоянке около нашего здания?

– Какая машина? – словно бы не понял мужчина.

– Эксперты просмотрели видеозапись с камеры внешнего наблюдения, и их компьютеры однозначно говорят, что это именно вы рассматривали машину подполковника Кукушкина. Красная машина...

– А... Это... Я же когда-то водил был. На такси до «зоны» ездил. Машинами до сих пор интересуюсь. Мимо шел, увидел, подошел посмотреть. Классная тачка! Сколько, интересно, такая стоит? Мне, наверное, на такую не накопить...

Вопрос был обращен ко мне, но я предпочел не отвлекаться от допроса и не ответил на фразу. Эту интуитивную тактику поведения на допросе я хорошо знал. Множество отвлекающих от сути вопросов, которые по идее должны были меня заинтересовать и вызвать поток словоизлияния, вместе с определенной дозой симпатии к задержанному. Полковник Альтшулер с таким приемом тоже, видимо, был знаком, поэтому резко отреагировал:

– Не отвлекаться от темы!

А я уловил какой-то заинтересованный взгляд задержанного. Он рассматривал меня с явным любопытством, словно хотел узнать, но так и не смог. Не хватало только, чтобы он оказался каким-нибудь знакомым из отдаленного прошлого или, что еще хуже, родственником.

– Да это я так... К слову пришлось... – испуганно пробормотал слесарь.

– Теперь перейдем к главному. – Рука Альтшулера легла на вишневого цвета папочку, обшитую каким-то кожзаменителем, словно показывая, что в ней содержатся некие материалы следствия. – У нас есть данные экспертизы, подтверждающие, что на мешочке с кокаином имеются твои потожировые отложения и отпечатки пальцев. Следовательно, это ты подсунул под машину мешочек.

Я понимал, что экспертизу для полковника сделать попросту не успели – для этого тоже требуется определенное время, кроме того, я не видел, чтобы Альтшулеру приносили какой-то документ, а он находился в моем присутствии все время после задержания слесаря, и получалось, что полковник просто брал слесаря «на пушку». Но сам слесарь этого, похоже, не знал. Его тоже можно понять. Он, судя по всему, человек малоопытный, вот и нервничает в результате задержания, не зная, чем это ему грозит. А нервное состояние редко дает возможность мыслить здраво и принимать правильные решения. У него взяли отпечатки пальцев сразу после задержания и привода в здание ФСБ. Но экспертам следует не только перевести отпечатки пальцев со специальной пленки в фотографии, а еще перевести в фотографический формат и те отпечатки, что были сняты с рук слесаря. И уже потом компьютер начнет их сверять и будет способен дать конкретный результат. На все это требуется время, которое пока еще, по моим подсчетам, не пришло. Будь моя воля, я бы применил к слесарю экстремальные методы допроса, те, которым нас обучали для проведения экстренных допросов в тылу противника. И это должно было бы дать результат.

– Разрешите, товарищ полковник, вопрос задержанному задать? – спросил я Альтшулера вполне мирным голосом, но он, видимо, в этих мирных нотках услышал угрозу и предупредил:

– Спрашивай, только не сделай из него инвалида. И чтобы следов допроса не осталось. Ты это умеешь... – Он явно мне подыгрывал, запугивая слесаря.

Я молча протянул руку, запустил палец ему за остро торчащую ключицу как раз там, где было нужно, то есть на четыре пальца отступив от центральной линии – в этом месте она прикрывает пучок нервов, находящихся близко к поверхности тела, – и, сильно надавив им, увидел, как скривилось от боли лицо слесаря. Мне даже показалось, что он готов взвыть, как щенок, которому некуда деться от побоев нелюбимого хозяина.

– Только не верещи... – вежливо попросил я. – Побереги голос. Он тебе еще сгодится, когда я тебе кое-что под дверь подсуну и с самыми добрыми чувствами прищемлю. Ну так что? Будешь говорить?

– Спрашивай! Спрашивайте...

– Спрашиваю. Что ты подложил под машину?

– Я не знаю, – ответил он почти истерично. Боль, видимо, донимала его основательно, и говорить мужчина мог только на выдохе, а вздохнуть при этом или не мог, или не решался, потому что вдох поднимал бы ключицу ближе к моему пальцу.

– Рассказывай... И не заставляй меня делать тебе очень больно. Я это умею. А если в чем-то не поверю, не обижайся уж. Я по своему воспитанию человек предельно недоверчивый и жесткий. Лучше говори честно и с самого начала.

– С самого начала... – кивнул он. – Вчера все началось. Я из ДЭЗА выходил, домой направился, когда меня какой-то тип подозвал к своей машине и велел сесть в нее. Очень такой авторитетный мужик... По голосу понятно... Его попробуй только не послушаться!

– Авторитарный, – поправил я.

– Ну да, я это и хотел сказать... Руку убери... Руку уберите, я все и так скажу.

Я послушно убрал руку, но оставил при этом кисть на весу, вдобавок пальцами пошевелил, показывая, что готов снова причинить ему боль.

– Этот мужик сунул мне в руку десять тысяч, две бумажки по пять тысяч – а это две трети моей зарплаты вместе с калымом – и приказал сделать то, что он велит. При этом показал мне удостоверение полковника полиции. Я сразу поверил, потому что на нем были полицейские брюки. Повез он меня, показал стоянку около ФСБ, фотографию красной машины и сказал, что нужно будет завтра сделать. Сегодня, то есть...

– А как фамилия этого полковника?

– Простая какая-то фамилия. Иванов-Петров-Сидоров или что-то вроде этого... Точно не запоминается. И имя-отчество соответствующие... Если Иванов, то Иван Иванович, если

Петров, то Петр Петрович... Память вот подводит в последнее время... Особенно на фамилии и имена...

– Николаев! – сказал я. – Николай Николаевич...

– Правильно, Николаев! Сказал, что им нужно человека, который на машине будет, «прижучить» так, чтобы он подельников своих сдал, а фактов на него серьезных нет. А как порошок ему подбросят, он разговорчивым станет. Не дурак, отлично понимает, что за взятку меньше дадут, чем за наркоту, и всех подельников без долгих уговоров и заложит. Я знаю, что с полицией шутки плохи, тем более с полковниками. Могут и мне, дураку, наркоту запросто подсунуть. Только чтобы отчитаться. А полковники – они своих подчиненных прижимают без жалости, а уж незнакомых парней со стороны, как я, – тем более. И согласился. А он мне тогда же пригрозил, что, если я не сделаю, как надо, меня вместо того человека на «зону» отправят. А мне там, скажу честно, не сильно уютно было. Я и сделал, что просили...

– А в окно наблюдать тоже он тебе велел? – спросил я.

– Нет. Это уже я сам... Знаю, что там, в квартире, алкаш пожилой живет. Купил бутылку, заглянул к нему, выпили два раза по полстакана, он сразу на диван и спать завалился. Я в окно и смотрел, что будет...

– А кому ты позвонить должен, когда я на машине выеду? – продолжил я допрос.

Глаза слесаря забегали в разные стороны и перестали за мое лицо цепляться. Он явно искал, что бы соврать, но «соображалки» не хватило. Я медленно приблизил руку к его ключице, кажется, даже коснулся места нажима, хотя нажать еще не успел, потому что глаза его перестали бегать, и он с испугом ответил:

– Ему же... Он номер мне сказал и велел трижды повторить. Я запомнил. У меня память хорошая еще, – и он прошептал номер, хотя только что на память жаловался, когда фамилию Николаева не пожелал сразу вспомнить. А сейчас, похоже, вспомнил, как на нее жаловался, и снова испугался: – А как вы узнали?

– Что? – спросил я, отвлекаясь, потому что в дверь кабинета постучали. – Что мы узнали?

Альтшулер отреагировал на стук и разрешил войти. Вошел человек в гражданской одежде и молча положил на стол перед полковником папку с какими-то документами. Судя по тому, что полковник только заглянул в папку и не стал читать, это был акт дактилоскопической экспертизы, то есть то, чем он слесарю уже пригрозил. По потожировым следам что-то сказать еще не могли, поскольку они позволяют производить экспертизу ДНК, а это как минимум полный рабочий день, в худшем случае, при наличии каких-то сложностей, на это уходит несколько дней, иногда даже неделя. Но нам подобная экспертиза была по большому счету и не нужна.

– Как вы узнали, что я должен позвонить? – не смущаясь приходом эксперта, спросил слесарь.

Меня тоже приход эксперта не смутил, поэтому я снова запустил палец под ключицу допрашиваемому, чего он явно не ожидал при постороннем. Я же посчитал, что если уж он начал рассказывать все с самого начала, то и должен рассказывать именно все, ничего не пропуская, не утаивая и не путая нас. А то ведь я тоже имею законное право обидеться, тем более что акция с кокаином была направлена против меня.

Альтшулер тоже передал эксперту листок с номером человека, которому должен был позвонить слесарь, и сказал:

– Пробей это по биллингу или как-нибудь еще. Мне нужно срочно знать, где этот человек находится. И вообще, что за тип...

– Понял, товарищ полковник. Сделаю... – Эксперт с любопытством посмотрел на допрашиваемого, который, кажется, пытался от боли спрятаться под стол. Это могло бы быть действенным, если бы я не сидел рядом и не перевел бы свою руку на его другую ключицу, пока

нетронутой. Зрачки слесаря снова расширились, глаза готовы были вывалиться из орбит, и он прохрипел:

– Спрашивайте, я все расскажу...

– Вот и рассказывай, – потребовал я довольно настойчиво, хотя и не грубо.

Эксперт направился к двери, но на пороге оглянулся. Его, похоже, сильно интересовал мой действенный способ допроса. Я тяжелым взглядом подтолкнул его к выходу, он все понял и плотно прикрыл за собой дверь.

– Что же ты... – укорил я слесаря. – Обещал все рассказать, а сам часть утаиваешь, я имею в виду звонок, – и посмотрел на часы. Мне пора было идти на вторую тренировку. Моя команда, скорее всего, уже собралась и ждет только моего появления. – Мне пора, товарищ полковник, – выразительно постучал я по стеклу часов. – Через полчаса могу заглянуть. Если уважаемый господин слесарь опять начнет артачиться, я быстро уговорю его. А после занятий вообще могу посетить его в камере.

Слесарь с испугом посмотрел на меня, а полковник едва заметно улыбнулся:

– Иди, если мне покажется, что он начинает врать или чего-то недоговаривает, я тебе позвоню, тогда поднимешься. А без звонка лучше не прерываться. Иди... Тебя ждут...

Я покинул кабинет и заспешил по лестнице вниз, в спортивный зал, где офицеры оперативного состава меня уже ждали.

– Прошу прощения за опоздание. Полковник Альтшулер задержал. Оперативная обстановка вносит в график свои коррективы. Потому занятия сегодня будут укороченные, но более интенсивные. Возражений нет?

– Никак нет... – за всех ответил один, старший по возрасту и, вероятно, по званию.

Занятия я не скомкал. Проводил, как и пообещал, более интенсивно, одновременно разминаясь сам, чтобы победить сонливую усталость. Но при этом сам себе отдавал отчет, что возраст начинает сказываться, и я постепенно начинаю терять скорость. Мысли в голове трутятся с прежней быстротой, но мышцы за мыслями не успевают. Это было сигналом, которого я ждал все последние годы, не желая соглашаться со своим возрастом. Конечно, это все стечение обстоятельств – бессонная ночь с двумя боями за короткий период, потом нервотрепка с машиной, погоня за слесарем, допрос, в конце-то концов, но я еще некоторое время на что-то смогу согнуться. Тот же Николай Николаевич Николаев, насколько я помню, на два года старше меня. Ему сейчас, стало быть, шестьдесят пять, а он еще работает, хотя тоже, наверное, надеется выйти на пенсию. Киллер на пенсии – это, на мой взгляд, звучит грозно. Получает он армейскую пенсию или нет – не знаю. Если постоянно находится в бегах, то не получает, но вполне может статься, что получает. Он разведчик чрезвычайно опытный и умелый, следов после себя не оставляет и знает, что доказать его причастность к какому-то конкретному убийству невозможно. От оружия, естественно, избавляется сразу и остается чист. И пусть у него никогда, как я слышал, нет алиби, отсутствие его ни одним судом не будет воспринято как доказательство вины, только следствие может это проверять. И пусть проверяет, Николаю Николаевичу на это наплевать. Пока ни одно следствие не смогло ничего против него доказать и не сможет, как он надеется. Так что, возможно, он спокойно получает и военную пенсию, и офицерские выплаты за звание, и еще определенную сумму за сохранение военных и государственных секретов, которые стали известны ему по долгу службы. Единственное, что сможет его остановить, это работа не по плечу... Например, принятие заказа на уничтожение равного ему соперника. Там уж, как говорится, кто кого одолеет. Я не берусь рассуждать, кто из нас сильнее в боевой подготовке. У каждого есть свои сильные стороны, как есть и собственные слабости. И кто станет победителем в подобной ситуации – вопрос открытый. Николаев, естественно, надеется, что это будет он, я, само собой разумеется, считаю себя вероятным победителем. И только дальнейшее покажет, кто из нас прав.

Он не оставляет следов? Но он представился слесарю полковником полиции Николаевым... То есть почти открылся. Что это значит? Ну, во-первых, это значит, что, если мы, и я в частности, не поторопимся, то слесарю жить осталось недолго. И мы не сумеем его убедить никакими методами. Но «полковник Николаев» – это, мне кажется, слишком, немного на насмешку смахивает. Если только это не «прокол», вызванный самоуверенностью Николая Николаевича, привыкшего к тому, что его за много лет никак не могут поймать.

Я завершил тренировку, так и не дождавшись звонка от Альтшулера, хотя свой смартфон держал в кармане, и, быстро переодевшись, даже отказавшись от приема душа, заспешил по лестнице на третий этаж...

Глава вторая

– Товарищ полковник! – своим громким возгласом я попытался вернуть Альтшулера к действительности, а то он сидел за своим столом с отсутствующим взглядом, отрешенный от всего его окружающего, от всех проблем и забот, если вообще не спал с открытыми глазами. У нас, помню, в военном училище несколько человек из одной роты научились так спать – они спят, а преподаватели видят перед собой только вдумчивый сосредоточенный взгляд. – Вы уверены, что слесарь все правильно сообщил?

Альтшулер без видимых трудностей вернулся к реальности.

– Уверен, Виктор Вячеславович. Уверен. Я ему даже один раз пригрозил, что сейчас тебе позвоню, так он сразу по-иному запел. Ты лучше вот сюда посмотри. Данные нашей экспертной группы по тому номеру телефона, – и перебросил мне через стол папку.

Я раскрыл ее, прочитал заключение экспертной группы, что названный номер принадлежит полковнику Николаеву Н.Н., начальнику отдела областного УВД по контролю за оборотом наркотиков, и, закрыв папку, вздохнул почти обреченно.

А полковник Альтшулер передвинул мне тоненькую красную книжечку-справочник областного УВД. В справочнике были фамилии и имена-отчества всех основных сотрудников и руководителей с фотографиями. Я быстро нашел Николая Николаевича Николаева и с радостью определил, что это совсем другой Николаев. У полковника-мента физиономия едва-едва в фотографию поместилась – отсутствием аппетита он, видимо, с детства не страдает, а киллер Николаев, насколько я помнил, всегда был сухим и худощавым человеком, аскетом во всем, умеющим без проблем переносить и голод, и холод, и все жизненные передряги.

– Я бы, конечно, с великой радостью заподозрил тебя во взяточничестве, – с усмешкой проговорил полковник Альтшулер, – но слесарь не опознал по фотографии человека из автомобиля.

– А где этот слесарь сейчас?

– В камере сидит. Там, я думаю, ему безопаснее. Да и звонить ему скоро понадобится...

– Куда звонить? – не понял я.

– Николаеву. Сообщить, что ты выехал. Ты куда, кстати, после занятий ехать намеревался? Конкретно сегодня...

– Как обычно, к жене в областную больницу.

– Кто знает о твоём обычном маршруте? Сообщал кому?

– Всем, кто спрашивал. Я из этого тайны не делал. Причины не видел.

– Понятно...

Полковнику Альтшулеру было что-то понятно, только мне ничего понятно не было. Кроме того, меня смущала мысль, что Николай Николаевич Николаев, оказывается, достаточно частое соотношение имени-отчества и фамилии. Я прекрасно знаю, что самая распространенная фамилия в России – Смирнов, а в мире, в разных интерпретациях, Кузнецов, включающая в себя созвучные по смыслу Шмит и Смит, Коваль, Ковальский, Коваленко и прочие... Но о том, что фамилия Николаев тоже встречается нередко, я еще не слышал, хотя среди моих знакомых, включая мимолетных, есть несколько Николаевых, и из них только один Николай Николаевич, тот самый, что вышел охотиться на меня. Значит, скоро будет и еще один. Я предположил, что Альтшулер пожелает обеспечить нам встречу.

Полковник постучал заточенным с двух сторон карандашом – красно-синим – по стеклу стола, о чем-то размышляя, при этом, сам того не замечая, переворачивал карандаш то одной, то другой стороной. Потом отложил его в сторону и взялся за трубку внутреннего телефона. Кому-то позвонил, спросил, все ли сделано, и только после этого посмотрел на меня и вытащил

из кармана мелкий электронный прибор. Я когда-то с такими работал и знал, что это обыкновенный «радиомаяк».

– Прицепи это к своей куртке с внутренней стороны и поезжай, куда обычно едешь. Груз тебе под машину уже подложили. Только теперь это не кокаин, а простой мел. Слесаря сейчас приведут, он позвонит и сообщит, что ты выехал. И не переживай, когда на тебя наручники нацепят и повезут в ментовку. Они проверят порошок, убедятся, что там мел, и тебя отпустят. А ты вообще дави на то, что ничего об этом не знаешь и вообще мешочек в первый раз видишь. На выходе из областной ментовки тебя будет ждать наша машина, микроавтобус. За рулем буду я сам. А до этого наши спецы вмешаются. Наш эксперт на всякий случай будет присутствовать при проведении экспертизы, проследит, чтобы там не напортачили. Кстати, не забудь жену предупредить, а то она будет ждать, в окно следить, еще, чего доброго, переволнуется, кровотечение откроется...

– Едва ли Тамара переволнуется, – усмехнулся я. – Она скорее этих ментов из окна перестреляет, так как хорошо помнит послевоенный чеченский клич: «Бей ментов, спасай Россию!» Но я предупрежу ее, эксцессов не будет. Только ей лучше сегодня же больницу покинуть, иначе Николаев до нее сможет добраться. Тот Николаев, бывший спецназовец, который не полковник, а только подполковник, да и то в отставке. Ему, я думаю, спустя столько лет, очень хочется на Тамару посмотреть.

Я вытащил из кармана и показал Альтшулеру короткое письмо, переданное мне дежурной по гостевому дому «Скворечник». Он несколько раз перечитал его, хотя текст там был предельно коротким и лаконичным.

– Так вы с Николаевым, выходит, знакомы?

– Не просто знакомы, товарищ полковник. Мы служили в одной бригаде. И я увел у Николаева когда-то невесту. Ну, как увел... Просто Тамара в свое время выбрала меня... И Николаев знает, что Тамара – это мое слабое звено. Поэтому ей нужно исчезнуть.

– Сам как думаешь, отпечатки искать бесполезно? – возвращая мне конверт, спросил Альтшулер.

– Я не слышал, чтобы Николаев когда-то отпечатки оставлял. Он аккуратный. К тому же на бумаге отпечаток сохраняется только от трех до семи дней. И Николаев, зная это, раньше того, как отпечаток станет нечитаемым, не передаст письмо, лучше переждет. К тому же я три дня в гостевом доме не был. Думаю, написано это и подготовлено к передаче не менее десяти дней назад, а потом бралось только в перчатках. Но зачем ему нужно было меня в «обезьянник» отправлять? Не могу понять...

– Может, он сам туда угодить планирует? – предположил Альтшулер. – Рассчитывает на теплую встречу. Что-нибудь он пронести туда может?

– Он – сможет. Но смогу и я.

– Что тебе для этого требуется? – сразу спросил Альтшулер, понимая, что я намерен раскрыть ему некий спецназовский секрет.

– Два гвоздя желательно на сто пятьдесят миллиметров, «двухсотка» тоже может подойти, но «двухсотка» тяжелая при ношении. И кусок стального троса длиной с метр десять, а лучше три нити от стального троса. И для ускорения процесса хорошо бы дрель или сверлильный станок с длинным сверлом. Если инструмента нет, я и так обойдусь, только это время отнимет.

– Ты меня заинтриговал. Пойдем в мастерскую. Я про такие тайны спецназа еще не слышал, хочешь поучиться.

Мы спустились в подвал, только не в то крыло, где спортивный зал, а в противоположное, прошли коридором мимо камер с задержанными или арестованными и попали в какие-то слесарные и столярные мастерские. Приход полковника заставил всех работников мастерских, до того сидевших в курилке вокруг старого и ржавого колесного диска от грузовика, заменяющего

громадную пепельницу, встать. Сразу откуда-то прибежал пожилой суетливый мужчина в больших очках с толстыми, сильно увеличивающими линзами, как я догадался, это или мастер, или вообще начальник мастерских. Неподалеку гремел токарный станок, за которым работала женщина. Похоже, некурящая или просто не любительница долгих перерывов. А что перерыв был долгим, я сразу увидел по походке тех, кто встал со скамьи, они передвигались на ватных ногах. Но с нашим приходом разбрелись по верстакам и начали то ли что-то делать, то ли изображать, что делают. Токарный станок сильно гудел. Полковник, чтобы мастер его слышал, наклонился к самому уху пожилого человека, объясняя, что нам надо. Мастер, кивнув, тут же отошел в сторону, взял у столяра два гвоздя, которые я просил, и направил нас к слесарю, стоявшему за одним из верстаков. Там уже я сам попросил маленькую кувалдочку и плоскогубцы. Зажав гвоздь плоскогубцами, я пристроился к толстой и тяжелой даже по виду металлической плите, заменяющей здесь наковальню, и сплющил у обоих гвоздей переднюю часть, сделав небольшие, длиной всего в сантиметр, лезвия. Потом сходил к наждачному станку, заточив острия до уровня шила и заострив сами короткие лезвия до предельной остроты. После чего потребовал длинное сверло того же диаметра, как толщина гвоздя. Толщину гвоздя тут же измерили и сверло нашли. Я снял сначала один башмак, просверлив на станке подошву в длину, потом повторил ту же операцию со вторым. В эти отверстия без проблем и вбил гвозди. Сплющенное острие разрезало, расширяя, отверстие и позволило гвоздям вытаскиваться с малым усилием. Потерять свое «малое оружие» я не опасался, оно сидело в подошвах достаточно туго. При ходьбе гвозди вообще зажимались и не вылетали. Здесь же, прямо на бетонном полу под токарным станком, я увидел кучку промасленной грязи. Ею замаскировал шляпки, и их стало вообще не видно. Как раз к этому моменту мастер принес кусок стального троса. Я распустил его, вытащив только три металлические нити, стянув и скрутив плоскогубцами. Потом нить умело, поскольку делал это много раз, просунул внутри верхнего шва своих камуфлированных штанов в области пояса. Чтобы провести испытания, я легким движением выдернул строенную нить, убедился, что она удобно ложится в обе руки, после чего вставил стальные нити снова и решил, что подготовка закончена.

– Удавка готова, товарищ полковник. Можем идти.

– Пальцы себе такой удавкой не отрежешь? – спросил Альтшулер.

– Бывали подобные случаи в истории, – печально согласился я. – Но это только оружие последнего шанса, когда поздно думать об обрезанных пальцах. Но лучше все же использовать рукава в качестве прокладки. А для начала можно и оба гвоздя использовать. Это по большому счету достаточно опасное оружие – особенно в умелых руках.

– Берцы не жалко?

– А что их жалеть? Они не испортились. Годятся и для ходьбы, и, одновременно, как чехол к оружию...

Мы поднялись в кабинет Альтшулера, по дороге он захватил с собой слесаря из камеры, мою недавнюю жертву, а заодно взял и сопровождающего солдата с пистолетом в кобуре – не понимаю, зачем нужна охрана здесь, внутри здания ФСБ! Или полковник опасается, что Николаев и сюда доберется?

Альтшулер вытащил из ящика стола простенькую телефонную трубку слесаря и вернул ее хозяину:

– Звони, сообщай, что объект выезжает. Ты это в окно видишь.

Слесарь позвонил, и все обошлось без накладок с его стороны, хотя мне показалось, что передавал сообщение объект незнакомому человеку.

– Ты уверен, что это он? – не удержавшись, спросил я.

– Нет, это кто-то другой. Но так было обговорено сразу. Кто бы трубку ни взял, нужно назвать себя и передать сообщение.

– А теперь в камеру... – произнес Альтшулер.

– Опять? А отпустите когда? – вяло спросил слесарь. – Обещали же. Скучно здесь...

– Ты в живых останешься только в нашей камере. На улице, думаю, не успеешь до ближайшего угла дойти, как поймаешь очередь из проезжающей мимо машины. Николаев свидетелей не оставляет. Это для него роскошь. Так что потерпи несколько дней, пока мы с Николаевым не разберемся. Кормить тебя будут три раза в день. Кормят у нас хорошо. Это не баланда из СИЗО. В вашем ДЭЗе я уже договорился... Отдыхай пока...

Альтшулер кивнул охраннику, тот взял тяжело вздыхающего слесаря под руку и потянул к двери. Но жить слесарю все же хотелось, и потому шел он, хотя и не слишком охотно, но все же добровольно. Его никто не тащил, как порой случается с некоторыми особо упертыми и излишне самоуверенными людьми.

– Ладно, тогда и я буду собираться. Жена уже ждет... – сказал я. – Вместе с ней подумаем над вариантом побега из больницы.

– А я пока с часовыми у палаты свяжусь, предупрежу, чтобы побегу не мешали.

По дороге к своей машине я зашел еще в отдел кадров, отметил старый пропуск, получил новый, постоянный, и синие «корочки» – удостоверение, где говорилось, что подполковник Кукушкин является сотрудником ФСБ России.

Машина моя стояла так же, как я ее и поставил. Ничего не зная, я и не предположил бы, что под днище что-то подсунули. Но слесарь уже при мне позвонил полковнику Николаеву, поэтому я без раздумий сел на свое место. Надо полагать, менты, скорее всего, не пожелают приехать раньше меня, и я успею переговорить с Тамарой, а то она и впрямь, не получив предупреждения, расстреляет ментов из окна. По своему умению обращаться с пистолетом она вполне в состоянии это сделать. Здание больницы – это не наш родной огород, где бандиты могут легко применять свои автоматы. Здесь с них спросят и ответа потребуют в категоричной форме, так что они будут опасаться. А Тамара опасаться не будет, она по характеру – человек отчаянный.

Только выехав с парковки, я вытащил трубку «БлекБерри» и позвонил полковнику Самохину. По времени выходило, что он как раз должен ждать моего звонка. Следовало его поставить в известность обо всех делах сегодняшнего дня. И пусть не удивляется, что меня задержат менты.

– Слушаю тебя, Виктор Вячеславович. Наконец-то ты соизволил объявиться, тебя тут новости ждут не совсем приятные. Хотя есть и приятные. Помощника я тебе нашел, как раз необходимого для твоей ситуации. И отец Георгий с оборудованием для этого помощника расстарался.

– У меня тоже имеются новости, и не совсем приятные, товарищ полковник. Без приятных, от таких я уже почти отвык.

– Ладно. Докладывай сначала ты.

– Боб нанял на меня киллера-профессионала, и тот уже начал действовать.

– Что, ты уже встретился с Николаевым?

– А вы и это знаете?

– Это я и хотел тебе сообщить. Противник у тебя серьезный, будь готов ко всему. Николай Николаевич всегда отличался умением создавать нестандартные ситуации, проще говоря, был мастером провокаций. Что-то, думаю, он и против тебя придумает.

– Уже придумал и даже уже попытался это осуществить. – И я рассказал, как мне под поддон машины прикрепили пакет с кокаином и что в настоящий момент я трепетно жду нежной встречи с ментами в областной больнице, хотя кокаин заменили простым мелом.

– Тамару сразу предупреди, чтобы не реагировала. Позвони ей, а потом мне перезвони. Буду ждать! – и полковник сразу отключился от разговора.

Да, он был прав. Потом у меня может не оказаться необходимых нескольких свободных минут, чтобы предупредить Тамару. Отложив одну трубку, я вытащил другую и сразу послал вызов жене.

– Привет! – легко и почти беззаботно отозвалась Тамара.

– Как твое драгоценное? Я про здоровье спрашиваю.

– Я тебе еще вчера сказала, что в любой момент готова в бой отправиться...

– В бой – не слишком желательно. Но вот куда-нибудь отправиться – над этим стоит подумать. Ты подумай хорошенько...

Тамара выдержала длительную паузу, потом переспросила серьезным тоном:

– Это ты о чем?

– Существует насущная необходимость сбежать из больницы и спрятаться. Хоть в подпол, хоть в погреб. Только чтобы тебя не видно и не слышно было.

– Объясни конкретно.

– Боб нанял киллера-профессионала, чтобы меня убить. Профессионала высшей пробы.

И он уже в городе. При этом профессионал знает мое слабое место – знает, что это ты... Он прислал мне письмо, обещая прийти. И к тебе тоже обязательно наведается. Ему есть что спросить и с меня, и с тебя... Вопросы, я думаю, он заготовил уже много лет назад.

Тамара какое-то время молчала. Молчал и я. Наконец она спросила:

– Николаев?

– Да.

– Это самый худший для нас вариант. Он считает себя обманутым и мной, и тобой. Хотя я все честно ему написала. Он хотел увидеться, я не согласилась. Тогда он просто уволился из армии и пропал. Мне потом уже Самохин сказал, что он стал киллером. При его подготовке из него получился очень сильный киллер. Ты сможешь ему что-то противопоставить?

– Смогу. У меня подготовка не хуже. Только у меня, как я сказал, есть слабое звено.

– Я?

– Ты... С использованием слабого звена меня легко заманить в ловушку.

– Откуда он может знать, где я в настоящий момент нахожусь?

– Я не в курсе его информированности, но знает он многое. Знает, куда я каждый день еду с работы, и понимает, кого я здесь навещаю. И сегодняшней мой визит пожелал сорвать. Мне к днищу машины прикрепили магнитом пакет с кокаином, там было почти полкило порошка. А это в России стоит в районе трех миллионов рублей. Может быть, на копейки поменьше...

Глава третья

– Но как он про больницу-то мог узнать?

Ответить на этот вопрос конкретно я не сумел. Высказал только предположение:

– Думаю, часть информации ему передал Бобин, то есть заказчик, часть он сам собрал. Как любой профессиональный разведчик, он знает, что ему может понадобится, и умеет искать. В своем поиске Николаев, насколько мне известно из его военной истории, применяет нестандартные методы, к которым невозможно привыкнуть, и потому никто не знает, чего от него ждать. Я не думаю, что в послеармейской своей истории он поменял тактику.

– Полкило кокаина... – прошептала Тамара, думая о своем. – Но тебя же за это могли бы упрятать за решетку лет, пожалуй, на пятнадцать! Это автоматически значило бы, что ты при своем возрасте не выйдешь оттуда живым.

– Думаю, что могли бы, – не мог не согласиться я. – Только возраст здесь имеет малое значение. Я не вышел бы живым в силу своего характера, меня просто убили бы там. По большому счету, если бы камеры на здании ФСБ не сняли момент, когда кокаин подсунули, дело вполне могло этим и закончиться. И, если бы я после этого не захватил человека, которого Николаев нанял... Все получилось бы так, как он задумал. Николаев и трех миллионов не пожалел ради конечного результата. Конечно, за работу ему платят больше, как крупному профессионалу, только в его работе основную роль играют личные мотивы, и потому денег он не жалеет.

Тут мне в голову пришла интересная мысль. Киллер решил отправить меня на «зону», где уголовники, подосланные и купленные или самим Николаевым, или Бобом, меня прикончат. Нет ничего проще, чем воткнуть «заточку» в спину спящего в камере человека, или, скажем, идущего в группе по столовой. Там между рядами столов пространство обычно бывает узкое, и две группы, идущие навстречу, едва расходятся. В такой ситуации достаточно лишь руку с оружием выбросить вперед, причем желательно сделать это, глядя в другую сторону, – обычная «обманка» со стороны заключенных. Но в этот раз получилось все иначе. Хотелось надеяться, что Николаев не знает о подмене кокаина на порошок мела и очень удивится тому, что меня отпустят. И только спустя какое-то время он сумеет придумать что-то новое. А у меня и Тамары появится время для маневра и принятия контрмер. При этом, хорошо зная меня, а еще лучше зная Тамару, Николаев не будет сомневаться, что просто так сидеть и ждать его появления мы не будем. Мы применим собственные контрмеры, будем искать его и продумаем подступы к его логову, которое постараемся уничтожить вместе с ним. Еще сыграет нам, вернее, мне, на руку факт исчезновения Тамары из больницы. Это тоже введет Николаева в некоторый ступор, опять дающий мне небольшое преимущество во времени.

– Короче, Тамара, я по дороге к тебе должен еще с Самохиным поговорить. Ты будь готова. Подумай, куда тебе лучше всего спрятаться. Даже я, возможно, не должен этого знать.

– К сестре ехать не стоит, – решила она. – Николаев знает о ее существовании и будет там разыскивать. Я подумаю...

– Тогда жди меня. Если меня попытаются задержать, не ввязывайся, даже если будешь из окна все наблюдать. Меня через несколько часов отпустят. Главное, не волнуйся...

– Хорошо. Звони полковнику.

Я убрал в чехол свою трубку и взял в руки трубку «БлекБерри». Нажал на кнопку вызова. Валентин Юрьевич ответил сразу, словно свою трубку у уха держал.

– Ну что, как у Тамары дела?

– Она еще вчера рвалась в бой. Сегодня настроение такое же. К побегу готова. Охранников предупредит полковник Альтшулер. Я, честно говоря, переживал, что она увидит, как меня задерживают менты, и просто перестреляет их. Им и спрятаться будет некуда, а стрелять

по больнице они не решатся. Для меня в моем положении это было бы большим осложнением. Но теперь я ее предупредил, и неприятностей с ее стороны ждать не приходится.

– Неприятности тебя с другой стороны ждут, – вздохнул полковник. – По моим данным, Бобин заказал и уже получил на руки снайперскую винтовку «Корд» калибра «двенадцать и семь десятых миллиметра» и, скорее всего, уже передал ее с рук на руки своему снайперу. Снайпер – бывший младший сержант спецназа воздушно-десантных войск. Демобилизовался год назад. Значит, навык окончательно не потерял, только частично. С такой винтовкой, правда, не работал, я навел справки – за ним числилась простейшая «СВД»³, но обещает справиться. Я собираю все возможные данные на этого снайпера. Уже знаю, что его воспитывала мать, отец живет в соседнем доме. Пьет. А у матери большое сердце. Снайпер пытается заработать ей на операцию. Добыл и телефонный номер парня. В крайнем случае, смогу позвонить ему и сказать, что мать с приступом отвезли на «Скорой помощи» в больницу. Это может сорвать его с места и как-то тебя обезопасит. Хотя бы на время. А потом... Теперь начинаются более приятные новости. Я вызвал тебе в помощь тоже снайпера. Правда, он уже не служит, но помочь согласился. Ты слышал что-нибудь про Васю Якута?⁴

– Слышал, товарищ полковник. Это легенда первой чеченской войны, в которой я, если помните, тоже участвовал...

– Возьмешь такого себе в команду?

– Если только самовольничать не будет.

– А уж об этом ты сам с ним договаривайся... Через три часа прилетает самолет. Отец Георгий его встретит. Он же, отец Георгий, добыл для Васи винтовку. Лучшую в мире снайперскую винтовку «Сумрак». А потом на своей машине Якут отвезет тебя в дом к Никифорову. Пусть это будет твоим временным штабом.

– Я с такой винтовкой, как у Якута, товарищ полковник, встречался. У меня, когда разведротой командовал, в одном из взводов снайпер был с такой винтовкой. Емю ее для испытаний на целых полгода выделяли. Я, помню, помогал снайперу отзыв писать. Хороший «ствол». Калибр, если мне память не изменяет, «десять и три на семьдесят семь». Убойный для бронжилета даже при выстреле в два километра. Прицельная дальность стрельбы до трех километров четырехсот метров. Еще бы и глушитель к ней, для стрельбы на более короткие дистанции совсем было бы здорово!

– Есть в комплекте и глушитель. Хотя при такой дальности стрельбы глушитель может оказаться и ненужным. Кроме того, отец Георгий специально для тебя расстарался и добыл индикатор оптической активности «Луч-1М»⁵. Это, правда, только дневной прибор, но у Бобина винтовка тоже только с дневным прицелом. Только у Васи будет с тепловизором.

³ «СВД» – снайперская винтовка Драгунова. Самое распространенное в войсках оружие снайпера.

⁴ Снайпер Вася Якут – кто-то считает это легендой, но автор сам встречался с людьми, которые Васю Якута видели и знали. Якобы жил в якутской тайге сын охотника Вася. В армию его не призывали. Но во время первой чеченской войны, начитавшись газет, он сам, на «перекладных», добрался до Грозного, к тому времени занятого Российской армией. Пришел в первую же попавшуюся часть, случайно оказавшуюся ротой спецназа ГРУ, сказал, кто он такой, сообщил, что желает добровольцем драться за Россию. Попросил, как охотник, снайперскую винтовку. Над Васей сначала посмеялись, потом дали ему посоревноваться с обученными армейскими снайперами. И на стрельбище Вася показал результат, намного превосходящий стрельбу лучших военных специалистов по снайпингу. После чего для Васи сделали исключение и зачислили в личный состав. Армейские снайперы обычно работали парами, но Вася Якут предпочитал всегда работать в одиночку. И уже через короткое время слава о нем пошла по всему Грозному. Один за другим попадали под его выстрелы полевые командиры бандитов. За голову Васи Якута назначили награду в несколько сот тысяч долларов. Но поймать его никто так и не смог, хотя несколько раз бандитским снайперам удалось все же легко ранить его. Весть о том, что российские войска покидают Грозный, застала Васю в госпитале. А после Хасавюртовского мирного договора он вообще ушел из армии, оставив только записку. Объявлять его дезертиром не стали, поскольку пришел он воевать добровольцем и успел принести много пользы армии. Уже после сам Вася несколько раз звонил знакомым, сообщал, что вернулся к себе в тайгу и, как и прежде, охотится вместе со стариком-отцом.

⁵ «Луч-1М» – индикатор оптических объектов. Индикатор предназначен для установки (монтажа) на различные наблюдательные приборы и служит для поиска и обнаружения на местности оптических снайперских прицелов и приборов наблюдения, прицелов боевых машин, приборов наведения установок ПТУР и прочих оптических объектов. Одинаково удачно

– Отлично, товарищ полковник. Я бы сам Якута с удовольствием в аэропорту встретил, но меня, судя по всему, менты «повязать» планируют. Все. Заканчиваю разговор. Заезжаю в больницу, внутрь... До связи, Валентин Юрьевич...

– До связи... Удачи тебе...

– Она мне очень понадобится...

Я убрал трубку, огляделся и увидел полицейскую машину, стоящую около крыльца хирургического корпуса. Два мента пялились на мою красавицу «Камаро». Если эти жирные и рыхлые парни приехали задерживать меня всего вдвоем, я мог бы и не позволить им этого сделать, даже если к ним еще пара таких же присоединится. Это вообще какое-то сплошное неуважение к спецназу военной разведки... Меня такое неуважение может по большому счету и обидеть!

Менты «права качать» с разбега не стали. И вообще, при моем приближении отвернулись, словно их мое присутствие не касалось. Я проверил, в кармане ли второй экземпляр ключей от машины, что я намеревался передать Тамаре, и убрал в бардачок трубку «БлекБерри». Ключи оказались на месте. После чего я закрыл машину, включил приятно мяукающую сигнализацию и направился в больничные корпус.

Тамара встретила меня в коридоре. Она уже ходила так, что по ее лицу невозможно было понять, как давно ей сделали операцию. Не зажимала правый бок рукой, нисколько не хромала, и только руку держала в кармане халата. Я понял, что там, в кармане, она сжимает своей маленькой, но сильной ладонью пистолет.

– Погулять решила?

– Справки наводила. Спросила у охранников, звонил ли им полковник Альтшулер. Уже звонил и предупредил. Охранники готовы. Потом к лечащему врачу ходила. Сказала ему, что чувствую себя отлично, а если выйду за стены отделения, буду чувствовать еще лучше. А он одно твердит: «Рано... Рано еще...» Я уж хотела спросить, как мне себя обслуживать, если я сбежать надумаю, но не стала. Нечего лишнего раз молодого человека волновать, вдруг у него сердце слабое, разволнуется еще, и приступ случится...

– Правильно. Лучше лишних людей не посвящать в свои планы, – согласился я. – Но я тебе настоятельно советовал подумать, где ты будешь прятаться. Подумала?

– Если мне не изменяет память, а обычно она мне не изменяет, ты сказал, что даже ты этого знать не должен. Но я надумала. Кто бы только мне машину сюда подогнал.

Я молча протянул ей ключи от «Камаро».

– А разве менты ее не заберут?

– Я скажу, что специально сюда перегнал, чтобы тебе машину оставить. Доедешь до дома. Ключи Никифорову завезешь. Сама пересядешь на «Волгу». Она менее заметна на дорогах. А искать тебя все равно будут.

Мы вошли в ее одиночную небольшую палату. Я сразу прошел к окну и увидел, что к хирургическому корпусу подъезжают две «Газели», на таких обычно передвигается спецназ УВД. Честно говоря, я забыл, кого забрали из полиции в «Росгвардию», то ли СОБР, то ли ОМОН, но мне было все равно, кто будет меня задерживать. Но два микроавтобуса спецназа – это уже серьезно, и это явный знак уважения ко мне. Видимо, те двое, что ждали меня у крыльца, сообщили спецназу, что «птичка прилетела». Одновременно с этим я заметил, что вдалеке, через дорогу на противоположной стороне, где стоит пятиэтажный дом с каким-то магазином на первом этаже, открылась одна створка слухового окна на чердаке. Подумалось, что и там дети играют, а жильцы пятого этажа обратились в ДЭЗ с просьбой чердачные люки закрыть. У меня просто сработала аналогия с другим домом, что расположен напротив здания областного управления ФСБ, и с другим ДЭЗом.

У Тамары я задержался ненадолго.

– Ладно, что время тянуть. Пойду сдаваться...

– Я тут попросила медсестру карты «Таро» мне купить. Расклад сделала на тебя. Все удачно завершится, – перекрестив меня, сказала она.

– Я и не сомневаюсь. Ну, а ты – держись, ты же у меня умничка. Только постарайся не простывать. Вот банковская карточка. Купи себе куртку какую-нибудь потеплее. А то ведь в халате сбежишь, знаю тебя... – И я положил пластиковую карточку ей в ладонь.

– А ты сам? Без денег остался?

– У меня наличные есть, больше десяти тысяч. Мне на первое время хватит, – соврал я, хорошо зная, что у меня в кармане только полторы тысячи лежит, которые я припас на бензин для своей относительно прожорливой машины.

Поцеловав жену, я вышел из палаты, понимая, что, предупреждай не предупреждай, она все равно сейчас откроет окно и будет смотреть, что происходит, как меня задерживают. Я неторопливо вышел на крыльцо, покрутил на пальце кольцо с ключами от машины, рассмотрел как следует ментов, после чего двинулся к своей «Камаро». И легко уловил, как менты с трех сторон одновременно двинулись в мою сторону. Четвертую сторону перекрывал микроавтобус, рядом с которым стояли еще два спецназовца с руками на автоматах.

– Господин Кукушкин! – окликнул меня, выходя из дальнего микроавтобуса, немолодой животастый полковник полиции. Дышал он при передвижении очень тяжело.

– Да, – ответил я. – Слушаю вас, товарищ полковник.

Он молча и угрюмо, я бы даже сказал, угрожающе, словно желал придавить собственной немалой массой, двинулся в мою сторону. Я стоял и ждал. А когда нас разделяли уже только три шага, где-то в стороне грохнула легкая пушка. Я хорошо знал, что именно так стреляет крупнокалиберная и дальнобойная снайперская винтовка «Корд» и что пуля из нее разрывает пополам или на несколько частей человеческое тело. Но я был цел. И полковник Николаев, что приближался ко мне, был цел. И остальные менты, что находились рядом, были целы. Я бросил взгляд на окно палаты Тамары, увидел пробойну в стеклах и, сразу все поняв, крикнул:

– Полковник, есть у вас снайпер?

Николаев растерялся. Он сам хотел на меня прикрикнуть, а тут выстрел... Да вдобавок я кричу на него!

– В мою жену опять стреляли! В окно больничной палаты. Снайпер!

Из группы спецназа один снайпер шагнул вперед.

– Дом напротив. Чердачное окно. Посмотри. И стреляй в того, кого увидишь.

Снайпер поднял свою «СВД», подстроился к прицелу ПСО-1⁶, но почему-то стрелять не стал, а молча опустил винтовку.

– Что там? – резко спросил я.

– Что там? – повторил мой вопрос полковник Николаев.

– Человек был. С большой винтовкой. Но ушел. Я только и увидел, как он уходит, не успев выстрелить...

– Спецназ! За мной! На захват! – Я вытащил из поясной кобуры пистолет и побежал к воротам.

Как назло, на улице было интенсивное автомобильное движение. Хорошо, что один из спецназовцев выскочил на середину дороги и поднял скрещенные руки, останавливая машины.

---

⁶ ПСО-1 – прицел снайперский оптический – один из основных прицелов советского и российского снайперского вооружения. Прицел был разработан в 1963 году специально для винтовки «СВД». Впоследствии стал применяться и на других снайперских винтовках. Конструктивной особенностью прицела стала очень удачная прицельная марка (сетка), позволяющая снайперу быстро определять расстояние и брать необходимые горизонтальные поправки по ходу стрельбы, не вращая маховики.

Мы быстро перебежали на другую сторону улицы, забежали за угол дома и оказались во дворе как раз в тот момент, когда от нужного нам подъезда отъехала машина «Шевроле Ланос».

– Ушел, с-сука!.. – в сердцах взмахнул я рукой, но стрелять вслед машине не стал. А вдруг это другая машина?

– Ушел? – спросил, остановившись рядом, спецназовец с погонами капитана.

– Ты старший здесь, капитан? – спросил я.

– Командир группы.

– Пошли пару человек проверить чердак...

Глава четвертая

Капитан по внутренней связи отдал распоряжение, и я увидел, как трое спецназовцев побежали в сторону подъезда. Я же вместе с остальными двинулся в сторону больницы, издали всматриваясь в окно палаты, где лежала Тамара. Оно было распахнуто, сама Тамара свесилась наружу, а за ее спиной стояли двое спецназовцев ФСБ и тоже выглядывали. Один из них держал трубку около уха, видимо, докладывал по инстанции.

– Ты как? – спросил я жену.

– Ничего. Переживу. Из чего стреляли? Стену после стекол развалили.

– Я думаю, что из «Корда». Звук такой же. Как пушка лупит, «двенадцать и семь...»

– Да, похоже. Пуля у меня между рукой и телом пролетела. Халат зацепила, а меня Все-вышний миловал – не задело!..

– И то хорошо. Закрывай окно, а то простынешь! Я поехал...

В это время у меня зазвонил телефон. Я вытащил трубку из чехла, посмотрел на определитель номера. Звонил полковник Альт- шулер.

– Виктор Вячеславович, что там у вас происходит?

– Я думаю, что Бобин уже добыл, как вы, товарищ полковник, и подозревали, винтовку «Корд» и передал ее своему снайперу. Тот стрелял, но не в меня, хотя я был на виду, а в Тамару. Слава богу, чуть-чуть промахнулся, пуля пробила стекла и развалила стену. Если бы попала в тело, сделала бы две Тамары. Мы погнались за снайпером, но пока добежали до дома, с чердака которого были выстрелы, он уже уехал. Автомобиль «Шевроле Ланос», номер... – Я дважды повторил по просьбе полковника номер автомобиля. Он, видимо, записывал. – Неплохо было бы найти этого снайпера. Это, как я думаю, какой-то парень из ВДВ, не так давно уволившийся в запас. После года без стрельбы снайпер полностью теряет квалификацию, значит, уволился он примерно год назад, не позже.

– Поищем... – пообещал Альтшулер. – Я тоже думаю, что это не сам Боб стрелял. Он сам даже за рулем редко ездит, считает это ниже своего достоинства. А я как раз смотрю в монитор, в программу GPS-контроля, вижу, ты куда-то помчался. Что, думаю, такое? А где менты? Не приехали?

– Со мной вместе их спецназовцы бегали. Все, товарищ полковник. До связи...

Я как раз подошел к полковнику Николаеву, свесившему свой живот над капотом моей «Камаро», и не мог говорить о ментах при ментах.

– Понял. До связи... Вернее, до встречи... Я тебя встречу...

Полковник Николаев сделал шаг в мою сторону и снова спросил, хотя и трех минут не прошло, как он задавал мне тот же вопрос:

– Господин Кукушкин?

– Так точно. Подполковник Кукушкин.

– Вы задержаны по подозрению в наркоторговле. Будьте любезны сдать служебное оружие.

– У меня не служебное, у меня наградное, – ответил я, вытаскивая пистолет. – Только попрошу передачу оружия заактировать. Без акта я передавать отказываюсь.

– В управление приедем, там и акт составим.

– То есть вы хотите меня задержать? Но на основании чего, хотелось бы мне спросить?

А оружие, кстати, согласно закону, я сдам только после составления акта.

Я поиграл в руке пистолетом, так и не передав его полковнику.

Открылись двери хирургического отделения, и капитан ментовского спецназа вывел двух медсестер.

– Вот и понятых ведут, – не обращая внимания на мой вопрос, сообщил полковник Николаев. – Все по закону будет. Начнем производить осмотр вашей машины.

Понятые подошли. Я узнал медсестру, которую видел в приемном покое, когда впервые появился в хирургическом отделении. Как и тогда, в ушах у нее были наушники, а в руках она держала смартфон. Капитан спецназа наклонился к ней с высоты своего роста, что-то сказал на ухо, она не услышала, тогда он просто вытащил наушники из ее ушей и попросил убрать смартфон в карман халата. Что и было сразу же выполнено. Видимо, лицемерие вооруженных ментов на медсестру действовало положительно в отличие от моего первого появления в больнице.

– Попрошу занести в протокол, – громко произнес полковник. – В присутствии понятых у задержанного был отобран пистолет системы Макарова с выгравированным на ствольной коробке приказом Министерства обороны. Дополнительно прошу предъявить нам документ на право ношения наградного оружия.

Я безоговорочно выполнил требуемое. Николаев сверил номер на пистолете с номером в документе, после чего и то, и другое убрал к себе в портфель.

– Юрлов! – позвал он. – Приступай!

Из микроавтобуса вышел старший прапорщик с длинным узким зеркалом на длинной ручке, точно такой же, как в ФСБ, и сразу начал осмотр с того места под пассажирским передним сиденьем, где в первый раз был спрятан пакет с кокаином. То есть сразу же показал, что ментам известно место, куда пакет был подсунут.

– И что это у нас? – Старший прапорщик отложил зеркало в сторону, встал на четвереньки и вытащил из-под машины пакет с мелом. Внутри пакета был круглый магнит, но, как я сразу уловил, не тот, что прежде, металл был более зернистым и темно-серым, тогда как первый магнит был шлифованным и блестящим. Должно быть, в ФСБ опасались, что на первом магните могут остаться мелкие частицы кокаина, и потому первый магнит удачно заменили другим.

– Что это у вас? – напрямую ко мне обратился полковник Николаев. – Белый порошок, внешне похож на необозначенный наркотик, скорее всего, на кокаин, потому что героин обычно слегка желтоват. Попрошу занести в протокол.

– Не могу знать, товарищ полковник, что это. – Я предпочел соблюдать предельную вежливость. – Кто знает, что вы мне подсунули.

– Мы подсунули... Ну-ну... Экспертиза покажет, что это такое.

К нам подъехал еще один микроавтобус, из которого вышли двое мужчин и женщина – все в светло-голубых халатах.

– Вот и лаборатория приехала, – удовлетворенно кивнул Николаев. – Сейчас на мешочке проверят отпечатки пальцев, потом у вас отпечатки снимут и сверят. Если там будут ваши отпечатки, уж не обессудьте, придется отвечать...

Отпечатки у меня снимали электронным сканером, то есть просто попросили раскрыть ладонь, над которой провели каким-то прибором, соединенным с планшетным компьютером. На мониторе планшета тут же появилось изображение моей ладони, быстро и легко. После чего та же самая операция была проведена со второй рукой.

Пакет с белым порошком один из экспертов сразу унес в микроавтобус. Процесс сверки много времени не занял. Эксперт вышел и, пожимая плечами, сказал:

– На пакете все отпечатки стерты. Видимо, были использованы перчатки. Только на уголке есть два отпечатка, но они не совпадают с искомыми. И вообще, судя по всему, это женские отпечатки – папиллярные линии расположены слишком близко одна к другой.

Полковник слегка смутился при этом утверждении, тем не менее уверенности в своей правоте не потерял.

– Ничего, сейчас поедem в управление, проверим и на стационарном оборудовании. Там больше шансов найти. И на магните тоже проверим. И анализ порошка проведем. Будьте любезны, гражданин Кукушкин, передайте мне ключи от вашей машины. Мы ее во дворе своего управления поставим.

– Я перегнал сюда машину специально, чтобы оставить жене, в которую только что на ваших глазах стреляли. И потому передавать вам ключи не намерен. Машина нужна здесь, и она будет стоять здесь. Или у вас есть документ на изъятие автомобиля?

– Документ я вам предоставлю в управлении. – Полковник явно смутился, и я заметил это.

– Сначала предоставьте документ, а потом уже начинайте действовать, – предложил я предельно вежливо.

– Юрлов, продолжи осмотр, – приказал полковник, и старший прапорщик с досмотровым зеркалом дважды обошел вокруг машины, но ничего больше найти не сумел. Как и должно было быть.

– Машину откройте, – обратился ко мне Николаев.

– Ордер на обыск предъявите... – вовремя вспомнил я, что в бардачке у меня лежит трубка «БлекБерри», то есть вторая моя трубка, а под ней ноутбук, где осталась стертая видеозапись. Но ее ведь могут и восстановить. Тем более что стерта она только сегодня. И там же лежит «флешка», смотреть которую ментам вовсе не обязательно.

– Ладно. Пусть машина пока останется здесь. Пока мы не знаем, что за порошок в пакете, мы не имеем права проводить обыск. Рядом с машиной я оставляю двух часовых, а мы едем к нам в управление.

Я согласно кивнул и первым направился к микроавтобусу. Пара спецназовцев двинулись за мной. Я не видел того, что происходило далее, только слышал, как понатым предложили подписать протокол, в котором отражалось изъятие пакета с белым порошком и мое задержание.

Скоро все протокольные тонкости были завершены, и мы поехали...

* * *

Когда мы отъезжали от больничных никогда не закрывающихся ворот, рядом у дороги стояла машина. Простой маленький грузовичок «Хенде Портер». Я сумел посмотреть сквозь тонированное стекло микроавтобуса на водителя. Мне показалось, что за рулем сидел человек, очень похожий на киллера, что так действительно искал встречи со мной. Хотя полной уверенности в том, что это был именно подполковник Николаев, у меня не было – лицо водителя грузовичка промелькнуло слишком быстро. Однако ничего удивительного в самом факте его появления там не было. Просто подполковник Николаев мог пожелать удостовериться, что его провокация сработала, что меня в самом деле задержали и отправили в областное УВД. Только почему именно в областное, словно не существует городского? В моем понимании делами в городе занималось городское управление, а делами за его пределами – областное и отделы в сельских районах. Но об этом выборе следовало спрашивать у самого киллера. Это его предпочтение. А с чем оно связано, мне лично предположить трудно. А предположить можно было все что угодно, вплоть до игры, вызванной совпадением имени-отчества и фамилии начальника отдела с такими же личными данными киллера. Подполковник Николаев любил свои дела обращать в игру, так ему легче работалось. Хотя, скорее всего, дело было в моей деревенской регистрации. Деревня – это не областной центр...

До здания областного УВД добрались быстро. Ехали с сиреной и с включенными «проблесковыми маячками». Меня сразу разместили не в «обезьяннике», как я предполагал, а в подвальной камере. Хотя сам «обезьянник» в здании все же был – рядом со стойкой дежур-

ного. И, когда меня проводили мимо него к лестнице в подвальное помещение, я успел заметить там трех человек, внешне похожих то ли на бомжей, то ли на деревенских трактористов, но подполковника Николаева среди них я не заметил. Он, в отличие от этих людей, всегда был аккуратистом. Но, видимо, из-за весомости пакета с порошком менты посчитали мое дело особо тяжким, и меня сразу отправили в «одиночку». А отсутствие киллера в «обезьяннике» меня не удивило. Если это именно он был около больницы, то здесь его быть еще не могло. Но я все же предпочел бы, чтобы Николай Николаевич оказался ближе ко мне, чем к Тамаре. Тем более что я подготовился к встрече с ним и в любую минуту был готов вытащить из подошв гвозди или снять с пояса удавку.

Перед тем как поместить в камеру, меня обыскали, отобрали смартфон, часы, все документы, авторучку и зачем-то пустую поясную кобуру от пистолета. Видимо, кобура охраннику понравилась, и он рассчитывал, что я не скоро буду иметь возможность потребовать ее возврата. Я особо настоял на том, чтобы все отобранное было засвидетельствовано протоколом.

Долго отдыхать мне не позволили. Хотя я удобно устроился на лежаке и сразу уснул, уже минут через сорок за мной пришли и грубовато разбудили. Правда, я проснулся гораздо раньше – только услышав шевеление ключа в замке, но делал вид, что крепко сплю. За спинами коренастых охранников я увидел голову эксперта ФСБ, которого уже встречал в кабинете Альтшулера и перед дверью кабинета. Видимо, он принимал участие в экспертизе порошка в пакете, что извлекли из-под моей машины.

Как и в подвал, меня повели под конвоем на второй этаж, где располагался отдел по контролю за оборотом наркотиков.

Полковник Николаев выглядел убитым горем человеком. Впечатление складывалось такое, что его только что огрели тяжелым кирпичом по голове. Надо же, как зло какие-то непонятные люди подшутили над ним! Он уже рассчитывал на раскрытие какого-то значимого по своей гласности и эффекту преступления, а тут оказалось, что вместо обещанного кокаина в пакете был простой порошок мела для строительных работ. Да и офицера с удостоверением сотрудника ФСБ Николаеву тоже хотелось бы иметь среди обвиняемых. Но все сорвалось, поскольку и порошок был не тот, и ни на пакете, ни на магните не было обнаружено моих отпечатков пальцев. А кто сообщил в отдел о «закладке» такой большой дозы наркотика, было, скорее всего, неизвестно.

Но полковник Николаев умел держать себя в руках. Встать, когда меня привели в его кабинет, он не стал. Я, впрочем, не обиделся. Его живот так плотно врезался в край стола, что каждый подъем с места граничил для полковника с подвигом, тому же столу грозило при этом подвиге опрокидывание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.